

ОДИН С СОШКОЙ, А СЕМЕРО С ЛОЖКОЙ.

КРЕСТЬЯНИН: — Ну, что как пни встали? Чего не видали?

НАХЛЕБНИКИ: — Хлебушка хотим, дедушка! Хлебушка!..

КРЕСТЬЯНИН: — Эвой что! Как работать, так у вас ноги болят, да спины не гнутся, а теперь так все сюда прутся. Как это вам лежебокам не лень было расстаться с постелью? Ну, отчаливай всей артелью!

Дядя Мирон уже успел подвизать чересседельник, сестя на телегу и хлестнуть чалого мерина, как из избы выбежала жена:

— Мотрий, Мирон! Тебе говорю—не забывай бога, не пей!

Мирон чмокнул губами, чтобы тронуться. Чалый лениво переступил с ноги на ногу.

— Беспременно в кооператив иди, беспременно,—отчитывала жена, уцепившись за грядку телеги.—В кооперативе и товар по-добротней и жульничества с фулиганством нет.

— Понятно,—пробасил Мирон и, огрев мерина ремненным кнутом, рысцой отъехал от ворот.

— Мотрий—не пей!—донеслось ему вслед.

— Дура,—сказал про себя Мирон,—хорошо знает, что не пью, а все наказывает. Не баба, а эта... как ее... стерва...

И с досады хлестнул сильно мерина. Мерин в недоумении обернулся, посмотрел на хозяина, хотел что-то сказать, но потом раздумал, рванул и пошел вдоль дороги.

Через четыре часа Мирон уже был в городе. Привязавши лошадей к базарным яслям и бросив ей охапку свежего сена, он украдкой достал из-за пазухи засаленные два червонца и отправился за покупкой товаров.

В мучных рядах Миرونу пришлось встать в очередь. Очерель медленно двигалась и Мирон от нечего делать все время ковырял в носу и смотрел по сторонам. Наконец, очередь дошла и до него.

— Книжку?—спросил протягивая руку продавец.

— Нету, милый, книжки-то. Из деревни, значит, я приехалши. Будь друг—окажи любезности!

— Отпустите ему. Ведь в очереди стоял,—сказали стоявшие позади.

— Верно. Отпусти, чего уж тут.

Продавец махнул рукой и ловким броском начал вешать дяде Мируну муку.

Купивши муки Мирон побежал по другим магазинам. Нужно было купить песок, сахару, чаю, дочке на платье и всего не перечтешь.

Раз пять пришлось стоять в очередях. Пришлось лезть с кулаками на перебой, раза два его чуть не отправили за матерщину в милицию, но все-таки, что надо было, Мирон купил.

Поваливши кудки и мешки с покупками на телегу, он прикрыл их охапкой сена, а поверх сена дерюгой и пошел в столовую ЦРК пить чай.

В столовой было тесно, шумно, лица носились как в тумане, и дяде Мируно стоило больших трудов найти порожнее местечко.

Уцепившись обоими руками за стол, покрытый облезлой клеенкой, Мирон тщетно вызывал официанта стуками кулака. Пронюсившийся официант изредко бросал короткое: „сейчас“, и это „сейчас“ тянулось более часу.

Напротив сидевший сосед Мирона получил суп. У Мирона приятно защекотало в носу от того, что суп издавал весьма аппетитный запах, а кроме того на поверхности его, рядом со сметаной плавала жирная муха.

Проголодавшийся сосед не обращая внимания на царившие всюду грязь и нечистоты, стал ушеть за обе щеки суп. У Мирона заняло под ложечкой. Он не вытерпел.

Просидев безрезультатно около двух часов, Мирон ожесточенно плюнул в угол и злой вышел из столовой.

— Черти! Дьяволы! Тоже—мы кооперация, сапожники вы, а не коопе.—Тут Мирон невольню умолок.

Дерюга и сено, раньше покрывавшие покупки, были разворочены и там, где лежали узлы, была зияющая пустая дыра и дно телеги точно в насменку осканилось щелями.

Запустив обе пятёрки в волосы Мирон взвыл. Выл протяжно, бил себя кулаком по груди, матюкал все и вся на свете, пока не собралась вокруг него большая толпа.

Тогда Мирон вить перестал. Он порывисто достал из-за пазухи последние полтора рубля, бросил лошади клочек сена и пошел за

водкой. Купивши бутылку он тут же вытянул из горлышка зеленую влагу, время от времени морщась и закусывая куском хлеба, еще оставшимся от дома.

Потом не торопясь и пошатываясь подошел к телеге, раздвинув на обе стороны недоумевающую толпу, сел и поехал.

Простоявший чалый бойко задалок подковами по каменистой мостовой волоча не подвизанный повод, а хозяин пьяно всхлипывал и грозил кому-то кулаком.

А кому—понятно.

И.

Незадалая внучка.

Дед Спиридон любит поговорить—похвастать:

— Гляди на меня: восьмой десяток по земле топаю, а многим из колодых за мной не угнаться!. Награжден был и здоровьем и силой с молоду, а вот внучка у меня не задалась.

Дед Спиридон скорбно вздыхает:

— И в кого она только вышла, вот уж поистине—ни в мать, ни в отца, а в прохожего молодца!.. Ну прямо выродок!..

Я в недоумении таращу глаза на деда:

— Это Дапа-то?.. Да ведь она была красавица!..

Дед сплевывает и кривит рот:

— Понятия в тебе нет, оттого и говоришь несуразное... Посик тонкий, точеный, губы малые, хорошего куска хлеба за щеку не всунуть, а глазищи, тьфу,—жорнова!.. И кволая, глядеть не на что!.. А руки, разве у нее руки?.. Сноп, скажем, захватить или сена охапку—у нее все горсточка... Разве это девка?.. Натерпелся я от этой девки, даже вспомнить тошно!..

— Она ведь, слышал я, замужем в городе?

Дед презрительно морщится:

— Теперь-то в городе фуфырится, а у нас ее из-за безобразия чуть было не сожгли!..

— Чего мелешь, дед!..

— Чего молоты: и баню для Дашухи припасли, и хворосту, все честь честью... Аксинья бельмова Дашуху вредной объявила, в роде ведьмачки, потому глаз у Дашухи нехороший!.. А началось, по совести скажу, с дустяков, припадок у Дашухи вышел, когда Васыля Кисляков с ней неосторожно поступил: повалилась Дашка-то и ногами задрыгала, и глаза закатили, а Аксинья тут на-разу и случись:

— Не надо—говорит—нам дрыгунов таких... Такие-то всю деревню испортить могут, от таких кликуши разведются!.. Ее—говорит—прелой портянкой надо испытать, что портянка окажет!..

Действительно, принесли предую портянку от дедушки Митрия... Как пибануло в нос Дашухе, она еще пуще задергалась, не вынесла духу и шибко порочить всех стала:

— Своловичи... Дураки.. Ироды!..

Видим—дело опасное—селу порча. Тут уж за деревню Аксинья вступилась

— Ежели на нее беды не накличем, она нас совсем изведет... Надо ее в баню причердить и баню ту сжечь..

А была у нас старая баня и в ней всегда „кукало“... В той бане никто и не мылся, так гнила.

Ну, конечно, повели ее по-хорошему, сами кумекаем: и стореть тепло, умереть светло, а Дашуха артачится!..

И скажи ты—случай помешал: гостил у нас Мироскина племян, что в Москве в шаферах ходит—увидал наши дела и ни с того, ни с сего из револьвера в воздух стал палить и отбил-таки Дашуху, залугал народ!.. Разве против такого оружия устоишь!.. Упустил я свою внучку—Дарью Родионовну!.. В тот же вечер Мироскина племян ее с собой увез.

Теперь фордыбачится Дашуха, внучка моя: наемни из города на автомобилях приехала с хахалем своим в шелках коротких, ноги будто голые в грязи, чудок что-ли такой!.. Прикатила это, ручки кожей чужой обтянуы, глазищами, что жорновами ворокает, смеется подлая, зуб золотой скалит. Тьфу!..

Раньше цыганки золотую денгу вместо креста промеж грудей носили, а она денгу в зуб втиснула!.. Мо-ода!..

Обнять меня хотела, да только я отстранился!..

Червонец, подмая, на столе оставила, тем только глаза мне и отвела.. А то бы задал я ей перцу, отгаскал бы в чистую.

— Прощай—говорит—дедушка, а сама золотой зуб скалит.

Плюнул я да так и проклясть не успел!.. Говорю тебе—глаза отвела!.. А уж некрасива пуще прежнего: губы будто кровью намазаны, а глазищи—смотреть тошно, до чего невозможные!.. А уж пальцы, не пальцы, а цунальцы!.. Безобразие!..

К. Милль-Полярный.

Ответ по существу.

— Что, у вас жать еще не кончили?

— Какое... Два кулака осталось еще... Жмут.

Дуракам и урок не в прок.

Такой факт произошел в дер. Кочерги, Яхнобольской вол.

Селькор 591.

Среди деревни Кочерги, такой, каких у нас не мало, согнувшись к низу в три дуги депо пожарное стояло.

В депо, как водится у нас, пылищи, грязи поларшина, и в нем-же без хозяйских глаз была пожарная машина. Зимой снег ее скрывал, а летом дождик мыл частенько.

Хоть раз-бы кто к ней побывал? Хотя бы попрятать маленько!

Не тут-то было! Мужики на сходе часто толковали и о ремонте языки без толку года два чесали.

И только вот на этих днях, в полуверсте от лежебоков, взметнулся клуб большой огня, в ночной тиши и тьме глубокой.

Вскочили все. Пошел галдеж:

— Давай машину, елки-палки!

— Никак тут, братцы, не поймешь иль раньше не было смекалки. У нас

машина, братцы, брось, всю с'ела ржа и гаек нету...

— Авось, бог милостив, авось!

— Починим к будущему лету!.

Глядят гораздо веселей после пожара мужики. У них есть 35 рублей, их на ремонт отдать с руки.

— Машину сделаем за час, — промолвил басовито Прошка, — а чтобы дело шло у нас, давайте спрыснемте немножко!

И спрыснули, как пишут нам, лишь успевай бутылки ставить. И к 35 рублям пришлось... еще раз пять добавить.

И. Вавилов.

В небольшой деревне Колобково, в семи верстах от города, — переполох.

— Беспреренно это к войне — говорит с испитым лицом баба, обращаясь к группе крестьян, собравшихся около избы дяди Ферапонта. — На-ко, рядом с городом ведмедя появились...

— В тыща восемьсот сорок девятом... Был я еще молодой, так так-то вот тоже нашли мы в ясу сто пудов меди — затянул старый дед Вавила...

— Чего-ты там меди! — оборвал его парнишка: ведмедя на овес ходят...

— Собрались этто мы всей деревней — продолжал дед. Его не перебивали. Чернобородый суровый дядя Ферапонт, хозяин избы, высунулся из окна и орет:

— Облаву теперича надо! Обесскотинят теперича совсем ведмедя... и овсы выжрут...

— Облаву не худо бы, да с чем пойдешь? — возразил кто-то из толпы...

Приходим этто в лес — тянет старый Вавила. — Матка совсем... это пудов меди.

— И што это, батюшки мои, за напасть, — хлопнула себя по бедрам баба с испитым лицом — то червяк, то град, то вот ведмедя...

— Пастуху ружье надо купить, — кричит дядя Ферапонт, — пуцай пуляет. Не убьет, так хошь пугать будет.

— Еще какого хрена не надо ли пастуху твоему? — вмешался до сих пор молчавший чистенько одетый мужик.

— Ну, ты, конечно, против голосуешь, — кинул ему Ферапонт. Мошной своей рази на общественное дело поступишься...

Спор разгорался. Старый Вавила опустил свои выцветшие глаза в землю и тянул монотонно, хотя его и не слушали.

— Продали этто в городе... вина, стало быть, бочку...

Вдруг прибежала запылавшаяся дочка Ферапонта, Аленька, и сообщила:

— У дяди Павла ведмедя овсы помяли... Днем, недавно... Сам он видел, ведмедя, ведмедиха да два ведмеджонка...

— Ах мать его в загон! — выругался Ферапонт — Ну, мужики, бери топоры — поедом ведмедей рубить!..

Он спрятался в окне, через минуту уже оказался на улице. В руках у него были топор и вилы.

— И што это ты, дядя Ферапонт, — попробовала остановить его баба с испитым лицом, — али жисть надоела — на ведмедей пошел..

— Не скули ты, — бросил ей Ферапонт и закрычал мужикам: — ну, чего стали? ай-да, бери топоры!

Мужики почесали в потылицах и нехотя побрели к избам.

Селькор Око, тот самый парень, что давеча оборвал разглагольствования старика, ушел к себе домой и на обрывке оберточной бумаги писал замусоленным карандашом: „В деревне Колобково, Пригородной вол., появились ведмедя, которые портят овсы. Скотину пока не трогают. Надо союзу охотников“...

— На которой полосе? — шепотом спросил Ферапонт Аленьку.

— На эттой, что у оврага, — ответила та тоже шепотом, дрожа от страха.

— Ну, иди, бежи домой — распорядился он.

По тропке среди ржи пробиралось согнувшись десятка два мужиков с дядей Ферапонтом во главе.

— Главное, не шуми! Ведмедя шума боится — сей секунд убеет — тихо распорядился он, оборачиваясь к кучке мужиков.

Мужики молчали. Лица их были суровы и недовольны. Неведомо какая сила заставила их подчиниться Ферапонту и пойти на войну с ведмедями. В неуверенных руках они держали кто топор, кто вилы или пешню, а замухрышка бобыль Нудкин не нашел ничего более подходящего, как обломок старой оглобли.

Шли медленно, стараясь лаптями не подымать пыли и не прозвонить шуму...

И вдруг до слуха их донеслись обрывки разговора:

— Посадят зернышки, а из них вырастут соломинки, а на соломинках опять зернышки...

— А как же, тетя Лена, в земле зернышко растет? — спросил тоненький детский голос.

Охотники на ведмедей подняли головы и увидели... В овсе, удобно расположившись, сидела руководительница детплощадки, а кругом ее расположилось десятка три белобрых, рыжих, черных головок.

— Что-б тебе на том свете черти... — даже не доругнулся дядя Ферапонт, а у мужиков вместо недовольства на лицах появилась злоба.

„Каждый знает сколько труда вкладывает крестьянин... — писал селькор Око в свою газету. — Этого не может понять воспитательница детплощадки при племхозе Караваево, тов. Е. Карпова. Недавно она пошла с детьми на экекурению и забралась с ними в овес кр-п дер. Колобково. В результате измяли порядочную площадь посева. Когда ей на это указали, то тов. Карпова ответила: „Вас не спросили“. Совестно, т Карпова! Надо ценить не только свой труд, а и труд других“. — Око.

Первую заметку он изорвал.

Грегуар Желтоусов.

Детская сказка.

В яечке Мопр, села Палкина, Галичского у. мыши изгрызли кассовую и материальную книгу.

Не шумите, дети, тише, слушай вести из села, как изгрызли злые мыши у яечки все дела.

Долго мыши сыто жили и питались книгой год, за едою говорили:

— Ну и глупый же народ! Им работа как игрушка, мало дела до грошей, то утечка, то усушка, или ссылка на мышей.

Мы-то что, — мы все не знаем,

Что подсунут — то жуем.

Только чур, предупреждаем —

— На зуб денег не берем.

Влад. Разумов.

Тоже „преображение“.

— Что у нас и за отец Фома! Каждый год преобразается, а преобразиться не может.

Задним умом.

Который уже раз созывался сход, а все никак собрание не собирается: не идут граждане, хоть волком вой. И повестка-то шкурная—насчет леса.

По четвертому что ли разу то, что исправно приходили, постановили:

— Не идут и черт с ними! Пушай мерзнут. Кто пришел, тому дать делянку. Не пришел—шип с маслом...

Как сказано, так и сделано.

Поделили делянки, чтобы без обиды, на всех правильно. Тут же навалили в сани.

— Граждане, а что же с остальными-то делать?

— А то и делать! Мы хоть и около дров, а здорово подмерзли, стало быть, надо согреться. Поставит Денис Петрович три ведра.— ему и отдать.

... „Нагрелись“ граждане знатно.

На следующее собрание пришла вся деревня.

И доклад прослушали. И резолюцию вынесли.

А когда председатель стал закрывать собрание, из толпы загалдели:

— Насчет лесу-то что-же?

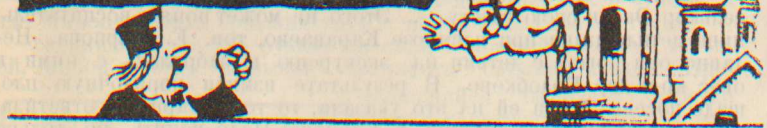
— Какого лесу?—спросил председатель.

— На прошлом-то собрании делили—делите и на этом!

— С удовольствием бы, дорогие граждане, да только больше делить нечего: все посрубили!

Егор Лаптев.

Каланча

— Собственно, если сказать напрямому, то дело это яйца выеденого не стоит. А вот поди-ж ты... Кричат о нем в три горла и можно сказать, даже в газетах пропечатали.

Особой обидности в этом нет, но все-ж это дело задевает целое общество.

Доложу я вам, в порядке предоставления мне слова, что деревня наша „Кривые Рога“ испокон веку пожары тушила неопалимой куниной. А ежели пожар принимает угрожающего размера состояние, то мы в огонь подливали водичку священную, добытую на Афонсе всеми уважаемой бабкой Митродорой, сподобившейся целованию длани игумена Вихиомира.

... Ну-с. Есть еще у нас Гришка,—парень значительного роста, который на пари съел буханку хлеба и оное запис самоваром. Откачивали, правда, его по это к излагаемому мною факту не относится и потому мы возвращаемся к излагаемой сути.

Был сход. Обыкновенный сход всей деревни. На повестке дня вопрос для деревенского значения весьма чреват. До этого сгорела у нас церква. Не так чтоб от злого умысла, али от нерадения нашего к храму, а по причине сенокоса. Мужики косят, а церковь горит. Посмотрят мужики на церковь, вспомнят, что нет багров и прочего супротив пожара преимущества и скажут:

— Пусь... Неопалимая в церкви. Не допустит она, чтоб до тла при том-же, там все божецкое.

А тушить диствительно нечем. Свяченой водой Гришку отпавали, когда он об'емнись хлебом был.

К вечеру церковь наша только пеньки каменного свойства, вроде фундаменту, оставила.

И вот, скажу и вам, вынесли это мы обсуждение на сход. Особых толкований не было, но все-ж горячились и под конец наложили сами себя обложили.

Как есть мы народ передовой, то надо нам какую ни-на-есть каланчу поставить.

Собрали денег и в государственный страх сходили, в вике даже от всего общества представителей выставили на предмет получения леса.

Получили и стали строить.

Каланча, братишки, я вам скажу—диво. Стоит это и стоит. То-ись не каланча, а храмина.

И что-ж ты думаешь. По темноте-ли нашей или по какой другой причине, но только факт. Выискался, пронади он пронадом, этот самый Гришка и ну агитировать.

— Хрещеные, как я через свое об'ядение познал тайну смерти и милость божецкую, то вношу конкретическое предложение: каланчу эту приспособить под колокольную, а сарай—под моленное отделение с полным его оборудованием.

Одним словом, производство моленья.

А разве против Гришки кто пойдет?.. Ведь он подлец, прости господи, буханку и самовар за один присест.

Так и порешили. Особой обидности тут нет, но каланчей этой божецкого свойства как мера супротив пожара мы прославились и были описаны даже в газете центрального значения.

Одно только плохо. И значимость у нас есть, и известность, но деревни нет.

Сгорела она окаянная, прости господи, да еще Гришку били. Шибко били. Но все это от невежества, а не от других причин. А сознательность есть. Недаром в газете центрального значения были пропечатаны.

Так-то!

А. Деревенский.

Точный ответ.

- Ну, как уборка хлеба у вас кончилась?
- Давно уже.
- А урожай хороший?
- Насчет этого иди к Карпу Жмотову справляйся—мы ему весь хлеб немолоченным пропилили...

ОСНОВАТЕЛЬНАЯ ЗАДЕРЖКА

В нашей губернии еще сохранился обычай тушить пожары от молнии молоком.

— Ты чего-же это, Степанида, — у Митрия дом горит, а ты уходишь?
— Так ведь у меня еще заливать нечем — коровы не доены!..

Нос вытащишь — хвост увяз.

Заведующий волостным политпросветом угрюмо смотрел на бледные строчки протокола и досадливо скоблил всей пятерней затылок.

В протоколе значилось:

... «А также признать неудовлетворительной работу политпросвета и отсутствие литературы, почему заведующему политпросветом Ивану Дудыкину объявить выговор и принять меры».

Дудыкин решил принять меры. С минуту пошарил глазами по потолку, покосился на палец и написал:

«В красный уголок».

Предлагается с получением сего немедленно сдать всю имеющуюся у вас литературу в центральную библиотеку при политпросвете.

Заведующий Иван Дудыкин.

Размножил на машинке по числу сельсоветов, подписал и, приклепнув к каждой бумажке жирную печать, разослал по назначению.

Через несколько дней кладовка, которую отвел вик для хранения книг, была полна. Дудыкин с удовольствием повесил здоровый замок и заулыбался.

— Пусть теперь сорок комиссий будет: ни одна не скажет, что нет литературы!

Недели через полторы Дудыкин сидел в вике и, загустив пятерню в волосы, угрюмо смотрел на бледные строчки протокола.

В протоколе значилось:

... «Комиссия, ознакомившись с работой красных уголков в сельсоветах, отмечает неудовлетворительную постановку работы и отсутствие литературы, за что заведующему волполитпросветом Ивану Дудыкину объявляется выговор».

Дудыкин скоблил затылок.

А. Ствращкий.

Разговоры по душам.

Скуле.—Одно поняли: купили новосельские мужички, Шунгенской вол., быка общественного, а в уплату за него решили продать пашню „Угол“, но эта пашня и посейчас не продана.

Ну и пусть с „Углом“ из угла в угол посятся, нам-то какое дело? Не скулите.

Голосу — Ты пишешь, что П. И. Вдовин из дер. Якушино, Федоровской волости, государственный лес ворует, а лесничество спит. Оно и понятно — какой-же глупец воровать поедет, если лесничество будет бодрствовать.

Г-ну А — п.—Твои сведения о том, что у А. Ф. Короткова, из дер. Шартанова, шинок и вино имеются, для нас не подходят. Обратись в милицию, может, ей что подойдет.

Н. С. Павлову — Вы пишете, что поп Приоров у крестьян дер. Павловское, Митинской волости, прибавки просил за свою „работу“. Интересно знать, прибавили ему или нет?..

Вот в некоторых деревнях так понам „прибавляют“, что они туда больше и не кажутся.

Чреватому.—Уж очень ваш фельетон чреват вышел. Хотя-бы в одном уголке писнули: факт это или выдумка. То-то и оно.

Комсомольцу — Подумаешь, какой факт, что в дер. Зачин, Пречистенской вол., пожар от молнии молоком тушили. Вот если-бы они его маслом или керосином стали тушить, тогда другое дело.

Моченые семена.

— Вы что-же — сухими семена-то сеяли?
— Нет, спрыснули: ведра два, поди, самогону выпили!..

Квартирный вопрос!

На этот счет мы особых дискуссий открывать не будем, всякому известно, что вопрос жилищного благоустройства всякой человеческой личности (особенно менщанского телосложения)—основа его бытия.

К примеру, взять хотя-бы нашего председателя Держиполовского ЕПО т. Андрея Никодимыча. Повышение на его долю выпало весьма широкого значения. Никодимыч будучи на собрании уполномоченных, узнал из решения, что отныне он есть никто иной, как ответственный член союза кооперации. То-ись, по выбору.

Нужно сказать, что жена Никодимыча имеет комплекцию, как она урожденный кулацкий элемент.

Никодимыч восхвалял на 10-м году существование советской власти, которая довела его до весьма высокого положения, при том же беспартийного, и с радостью принял сие назначение. Ликвидировав свое имущественное положение в деревне, он перебрался в город, где и остановился в гостинице „Цветущая Роза“, что на улице Красных Зорь, имеющей бульвар с двумя скамьями для отдыха нуждающихся.

Квартирный вопрос был весьма мучительного свойства, как для Никодимыча, так и для супруги его, Пелагеи Поевны, при том же Пелагея имела политическую безграмотность и полное отсутствие элементарных понятий о мировом масштабе, а потому и обывательские наклонности на предмет стирки белья в номере гостиницы и установки герана на окне, купленной за 1 р. 85 к. на базаре.

По сему поводу у Никодимыча вышли разногласия с администрацией гостиницы и дебаты серьезного характера. Поиски квартир стали всецело поглощать Никодимыча. Бесполезно. То-ись, никаких перспектив.

По вечерам разговор любящих супругов переходил в обсуждение качеств друг друга..

— Ну, ты, бревно! .. Дрыхнешь?

— Сам дрыхнешь, тоже ответственный!

— А у тебя батька-то Псой.. вроде собачины.

— Сам-то ты Андрюха!... Идол!

Поругавшись так часа два, любящие супруги впадают в мечты:

— Эх-ба, нам бы теперь деревенский дом да сюда!

— Мы бы и сестрицу с мужем выписали! — вздыхает Поевна.

— А где бы мы их поместили?

— А наверху-то!

— Ну вот еще!..

Мысленно перевезли супруги еной дом, поставили его в центре города и стали распределять жилую площадь.

— В горенке спальню бы устроили, в кухне столовую, а светелку—сестрице!

— Что?.. Сестру? К черту! Никаких сестер! Твоя сестра любит только кости перемывать,— вставил муж.—Кто на меня хотел донести, что я три мешка белой муки припрятал на предмет обороны СССР?

— А ты почему ей ничего не дал? Ведь мука-то была!

— А попу-то надо? Поп-то друг, аль нет?

Оно, конечно, братишечки, в подробности вдаваться стыдно, потому как тут побоище было, но только скажем, что драка была сильная.

Утром администрация категорически и без возражений:

— Сбьезжайте!.. Были слышны даже удары по человеческому органу.

Никодимыч, умышленно закрывая сияяк под глазом, констатировал:

Обычный ушиб при падении человеческого тела.

Через полчаса пришел человек с портфелем, а с ним еще двое.

Сказали тоже без возражений:

— Вы арестованы за спекуляцию пшеничной мукой.

Квартирный вопрос был разрешен безболезненно, не считая обморока, полученного Поевной, но врач диагностировал:

— Это от чрезмерного употребления кооперативной пищи!

На этом, пожалуй, я и закончу.

Крат Телеев.

Не то ударение.

— А Тришка-то наш, по столлярной части ударился!

— Не может быть?

— Всамделе. Свалился вчера пьяный с палатей и так о столлярный станок ударился, что полчаса без памяти валялся...

— А, Егор! Здорово! Сколько лет, сколько зим...
— Смотря за что: за хулиганство дали два года, а за пьянку шесть месяцев...

— А нашего Петьку третий раз через газету вызывают.

— На самолет „Костромич“ что-ли?

— Нет, в нарсуд за хулиганство.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ.

Приехал на лето сынок из города. Мать его спрашивает:

— На кого ты, родимый, учился? На анжинера, поди?

— Да, мать, машины изобретать буду.

Отец тоже рад: можно не брать на лето работницу — сын поможет.

Семь яичек мать сварила утром; управился сынок, здоровый такой паренёк, румяный.

Отец радуется помощи. Обував лапти, он робко говорит:— В работе-то поможешь нам, сынок?

— Гм... отчего же... Только я зря руки ломать не буду, машину изобрету, чтобы сама хватала, подавала и клала.

— Изобрети, родной, а то чижало—обрадовалась мать.

Сынок сидит дома. пишет, чертит планы, в поле не ходит. Уже скосили, выжали, молотья началась.

Ну что еще не готова машина?—спрашивают отец и мать.

— Скоро захотели! Об'ективные условия не позволяют, питание плохо, не располагает к творческой работе.

Мать сочувственно покачала головой.

— Так уж ты питание-то хорошее и об'ективные условия изобрети, а то как-же?..

Изобрел-ли он что—не знаем. Кажется нет, а только сделал открытие и хвастается в городе перед ребятами:

— Поправился я здорово. В день по два десятка яиц с'едал и по четверти молока выпивал.

Александр Юный.

Врачу, исцелися сам!

В аптеке при Судиславской больнице красуется объявление о том, что здесь продается средство от клопов. В то-же время в самой больнице клопов тьма тьмушая.

Глаза.

Какой-то юморист (ни молодой, ни старый), бумаги взявши лист, черкнул таких слов пару:

„Всяк клоп есть паразит, буржуйское наследство. До смерти поразит его простое средство“. И начертал совет, как воевать с клопами. Но кто-то тут в ответ стрелнул ему словами: „Что клоп есть паразит—то истина святая, а это—говорит—скотина прет какая“? И тут рукою хлоп по шее юмориста—по ней полз жирный клоп... Конфуз для парня чистый!..

* * *

Из этих кратких строк мы вывод сделать можем: коль есть от средства прок—себе вперед поможем.

Ответ по существу.

— А какое, ученик Иванов, самое теплое место на земле?
— Место нашего кооперативного приказчика: он, говорят, его здорово нагрел.

Боронье радио.

Санитарные мероприятия.

Судиславль. В судиславской больнице принимаются меры к устранению санитарных недостатков. До последнего времени здесь бак для воды находился в опрокинутом виде, а теперь в него налита вода. Разрабатывается план прикрепления к баку кружки.

Новый способ уборки хлеба.

Ус. Поникарпово, Белореченской вол. В И. Лабутин, получив в кредит, т-ве ссуду на уборку хлеба в сумме 70 р., произвел уборку по новому способу. Он пригласил для этого десяток попов и на поповском балу проил кредит. Хлеб находится в блестящем состоянии.

Помощь детским яслям.

Мисково. Мисковская молочная артель отказала детским яслям в отпуске 12 фунтов молока для детей. Как передают, артель отказала в просьбе потому, что опасается за здоровье детей.

Проба бороны.

Дер. Перечево, Письмен. вол. Ведутся испытания полученной при тракторе дисковой бороны. Работа происходит под наблюдением известного мастера, председателя Письменского кредит. т-ва А. И. Круглова. Борона лежит под окном его дома и ежедневно подливается помоями, а также на нее отправляют естественные надобности. Опыты показывают, что добротность бороны выше средней—она еще не вся проржавела.

Новое в скотоводстве.

Дер. Серково, Ильинской вол. Серковские крестьяне, на основании многолетнего опыта, убедились, что лучшим кормом для скота является солома и что сено, скормленное коровам дает много молока только от обыкновенной коровы. Но так как среди крестьян наблюдается большой спрос на „молоко от бешеной коровки“ то сено серковскими перерабатывается на него непосредственно.

Об'явления.

Утеряна бутылка водки председателем Котельского сельсовета в то время, как он ехал пьяный и разбил о дерево тарантас. Утерянную просят считать недействительной.

Ставлю в известность гр-н с. Павловского, Головинской вол., что с сего числа под окнами Павловской больницы ходить воспрещается, так как из моих окон выбрасывается на улицу мусор и выливаются помои.

Санитарный врач.

Крюю матом в лучшем виде, до семизэтажного включительно. Имеются рекомендации правления и ревкомиссии Ивановского кооператива, а также президиума собрания членов об-ва, которых я покрыв по первому разряду.

Вас. Ал. Флегонтов, с. Ивановское, Краснос. вол.

Навозные вилы в неограниченном количестве требуются гр-нам д. д. Семеновское, Кучино и Романово, Шишкинской вол., для работы на пожарах взамен растерянных пожарных багров и ухватов.

Требуются плотники для починки ворот у пожарного сарая в дер. Пестрюнино, Бычихинской вол. Обращаться к пестрюнинским крестьянам—плотникам.

Частная лечебница профессора знахарства

Ив. Флегонтова

дер. Горлово, Калигинской вол.

Лечу и калечу людей за скромное вознаграждение. При лечебнице имеется аптека.

Важно для милиции!

Р е б у с.

Кто правильно решил ребус, задачи и проч. в № 7 „Боронье зуба“.

Ребус „Силы утроим когда самолетов много настроим“ правильно решил только т. С. Кузнецов (гор. Кронштадт).

Шарады правильно решили: 1, 2 и 3—С. Кузнецов (Кронштадт), А. Киселев (д. Глинщице), Ямановский (Судиславль), А. Мокрецов (д. Иконниково), В. Гундоров (Черная заводь), А. Ремов (станция Брантовка), А. Дроздова (ст. Брантовка); шараду № 1—селькор № 593 и селькор № 413; шараду № 3—А. Чистяков (с. Вознесенье); шараду № 1—А. Снегирев (д.

Лебедево); № 1 и 2—Жуков (д. Елкотово)

Решение шарад № 1 „Ленинград“, № 2 „Кол-дог-о-вор“ и № 3 „Портной“.

Кто правильно решил загадки - шутки. 1, 2, 3 и 4—А. Мокрецов, В. Гундоров, С. Кузнецов; 1, 2 и 4—Ямановский и № 1—неизвестный.

Решение загадок - шутки. № 1 из (буквы) В (сделать букву) А (Имба), № 2—по(букве) З (букву) А (Поза), № 3—к (букве) О (поту) ЛЯ (Коля), № 4—от (буквы) Е (букву) Ц (Отец).

Шарада № 1.

Мой первый слог— Судов скопление. Второе всякий-б смог, Себе на удивление, В потах угадать. А третье, надо вам сказать, Ты в азбуке поймешь. А целое—немудрена загадка, Ты у фотографа найдешь— Шарады тут отгадка.

Шарада № 2.

Мы первое услышим от волков. Второе скажет всяк, когда дает. А целое—желание кулаков И англичанин целого-то ждет, Кричит об этом и вопит... Но из-за целого Осталось долго-ль ему жить?

Загадки - шутки.

На какую отрасль военных действий нужно поставить букву, чтобы получить то, что мы прикалываем к каблук?

За какую букву нужно поставить другую букву, чтобы получить то, что бывает перед восходом и заходом солнца?

По какой букве надо написать другую букву, чтобы получить низкорослую лошадь?

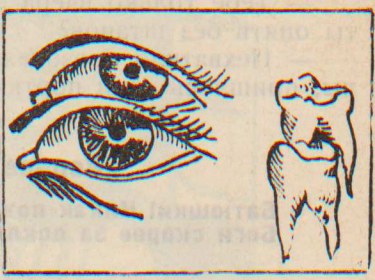
Загадка слов.

Здесь мы даем семь слов, которые имеют какое либо разное значение. Эти слова с двумя выпавшими буквами предлагаем заполнить выпавшие буквы и по выпавшим буквам прочитать сверху вниз два слова, которые произносят весь мир.

- АЛ—Т
- РЕ—А
- ОЛЬ—О
- ОН—Ц
- СЕ—Р
- КО—А
- ЕН—К

Какие это буквы. Помогаем нам разгадать: первое слово — легкая летняя пицца, но часто ее употребляют зимой, второе можем найти в цирке, третье — на руке, четвертое то, что всегда бывает после начала, пятое — рыба, шестое — болезненное явление и седьмое — найдем в бане.

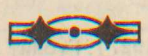
Прочти, что это?

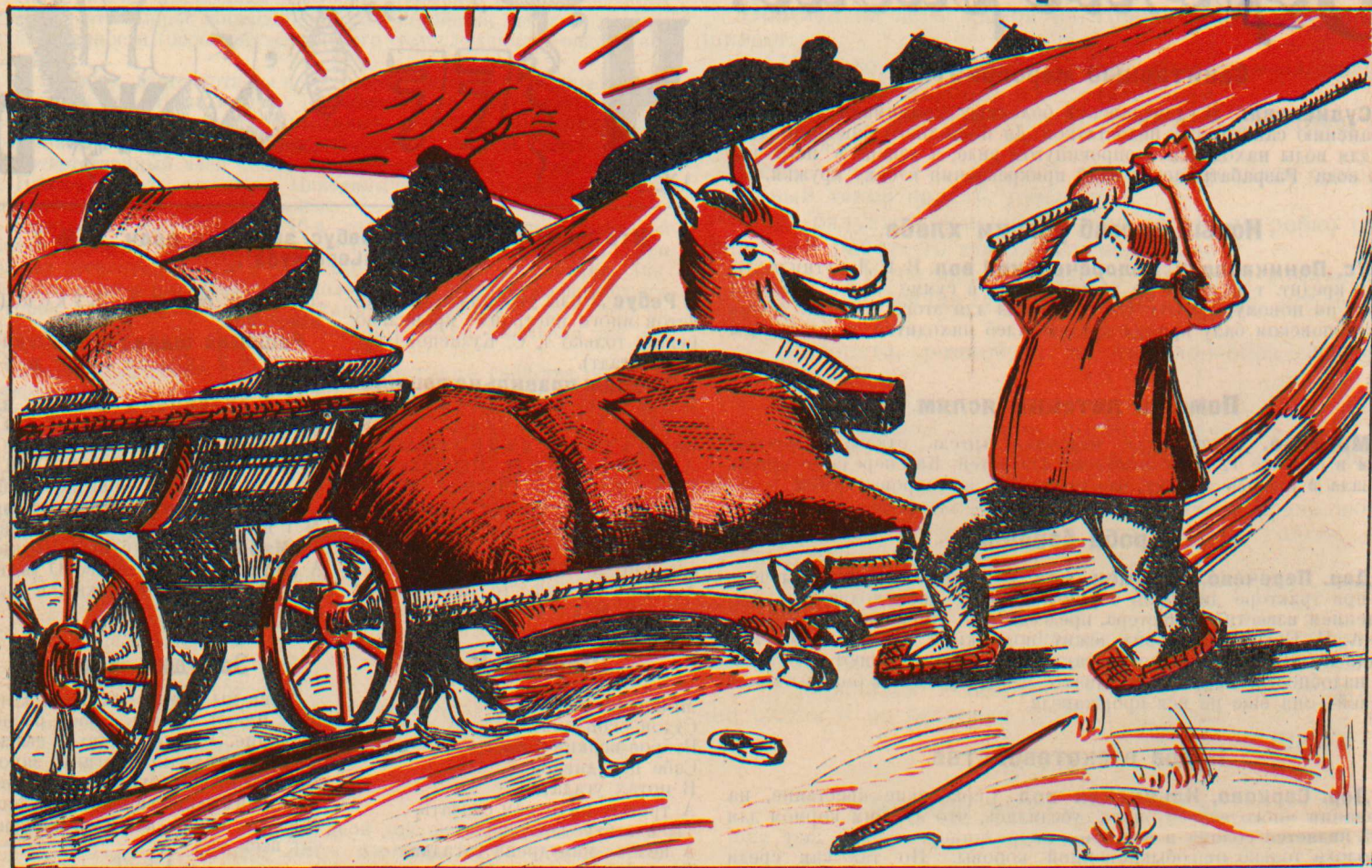
Устойчивость.

— А что новый совет крепко стал на ноги?

— Какое там! Со вчерашнего дня лежат: лишнего хватили.

НЕ ПО ПОСЛОВИЦЕ.

ЛОШАДЬ: — Вот и верь после этого людям, когда они говорят, что у них лежачего не бьют...

Деловой совет.

- Каков ваш совет?
- Очень деловой. Каждую бумажку кладут в папку и сейчас напишут „дело“. Папок двести, поди, успели наработать...

Горе пастушье.

- Тебе только вчера дали прозодежду, а сегодня ты опять без штанов?
- Нехватило прозодежды-то. Литки больно здоровы, пришлось свои портки добавить.

Верное средство.

- Батюшки! Никак пожар! А у нас воды нет!
- Беги скорее за докладчиком!

БЕЗ ОГНЯ СВЕТЛО.

В потребилке керосину
Весь окончился запас,
Так что я теперь лучину
Зажигаю каждый раз.

Ну и зря, чудак—братиска!
Ты на „Зуб“ подписку шпарь:
Нам он темное житышко
Освещает, как фонарь!

АИСТ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Со следующего № 9 „Бороний Зуб“ размером увеличивается до 12 страниц большого формата.

С увеличением размера журнала увеличивается и число рисунков, которые будут даваться лучшими московскими и местными художниками в несколько красок.

В журнале „Бороний Зуб“ будут помещаться фельетоны и стихи, как на крестьянские, так и на городские темы.

В нашем журнале принимают участие московские литераторы и юмористы: Бор. Рингов, К. Милая-Полярный, Створцкий и Д. Ляховец, В. Светлый—Ярославль, и местные: Вавилов, Федюняев, Г. Желтоусов. А. Горбунов и др.; художники: Зубов—Москва, Весели—Ярославль, Великосельский, Плотников и Жаров—Кострома.

Читайте „Бороний Зуб“! Выписывайте „Бороний Зуб“!

Редактор В. М. ХИТРИН.